

Ли Минцзюэ и его любовница только что вышли из торгового центра. Ли Минцзюэ одной рукой держал покупки, а другой обнимал возлюбленную за талию; пара влюбленных направлялась к парковке. Машина Е Тао стояла у обочины, на некотором отдалении от них. Он не мог разглядеть, молода ли и красива ли та, кого обнимал Ли Минцзюэ, но вполне мог определить, что это женщина, с которой можно не только предаваться страсти, но и строить серьезные отношения.

На самом деле, если вдуматься, большинство вещей оставляют след. Например, измену Ли Минцзюэ Е Тао почувствовал еще месяц назад. Однако тогда это были лишь догадки и подозрения, которые невозможно было подтвердить на сто процентов, а теперь появились неопровержимые доказательства.

Совсем недавно прошел снег, из-за чего и без того сухая и холодная Столица стала немного сырой. Холодный ветер врвался в салон автомобиля через окно, и от его ударов о лицо становилось больно. Е Тао коснулся своей щеки, ощутив странное чувство, будто его только что сильно ударили по лицу. Он перестал пристально смотреть на ту пару, достал сигарету и закурил, слегка нахмурившись. Он хотел подавить бушующие внутри эмоции; если сдерживать их слишком сильно, руки начинали заметно дрожать. Е Тао некоторое время смотрел на свои подрагивающие кончики пальцев, а затем поднес сигарету к губам и сделал глубокую затяжку.

Любого человека приведет в ярость предательство и обман со стороны того, кто делит с ним постель; гнев может перерасти в жгучую ненависть. Но Е Тао не был из тех, кто пойдет устраивать публичную сцену и бить неверного мужчину прямо на улице — это было слишком неловко. Он не хотел становиться посмешищем, хотя и сам сейчас, сидя здесь, чувствовал себя нелепо.

Когда он докурил вторую сигарету, зазвонил мобильный телефон. Звонила маленькая внучка дедушки Суня. Девочка заняла первое место в классе на итоговых экзаменах, и Е Тао пообещал ей куклу Барби. Кукла уже была куплена и лежала на заднем сиденье. Малышка знала, что сегодня он пойдет ее отдавать, и ждала с самого утра. Зимние ночи длинные, а дни короткие, и, видя, как темнеет, девочка начала проявлять нетерпение.

Е Тао не мог разочаровать малышку, поэтому, отбросив все эти беспокойные мысли, он все же привез куклу. Девочка была вне себя от радости: одной рукой она прижимала куклу, а другой обнимала Е Тао за шею, звонко чмокнув дядю Е в щеку. Е Тао также купил старику плотную пуховую куртку, предварительно сняв с нее ценник, чтобы тот не расстроился из-за потраченных денег.

Сыновья и дочери дедушки Суня погибли в одном несчастном случае, а невестка вышла замуж снова, оставив после себя старика и маленькую внучку. Жили они очень скромно. Е Тао когда-то получил от старика помощь, поэтому искренне благодарил и уважал его, относясь к членам семьи Сунь как к родным. Старик ничего не говорил вслух, но все прекрасно понимал: Е Тао уважал его, а он, в свою очередь, души не чаял в Е Тао. Поэтому, как только Е Тао пришел, старик приготовил целый стол любимых блюд парня. Е Тао привел малышку, они вымыли руки, и вся семья — старик, парень и ребенок — уселась за стол ужинать.

Е Тао был человеком сдержанным, и его чувства не отражались на лице, но старик был опытным человеком. Малышка не замечала перемены в настроении Е Тао, но старик видел все. Однако Е Тао был молчалив и предпочитал держать мысли при себе, нежели делиться ими с кем-либо. Старик понимал его, поэтому не стал спрашивать. Лишь когда Е Тао взял чашу и налил вина старику, тот произнес:

— На машине приехал?

Е Тао поставил пустую чашу и ответил:

— Не поеду домой, переночую сегодня у вас.

Старик положил в его миску куриное бедро:

— Сначала поешь, чтобы подкрепиться, а потом пей.

К концу ужина Е Тао уже слегка захмелел. Малышка послушно помогала убирать со стола. Старик достал одеяло, расстелил его на своей двуспальной кровати и включил электропростыню, чтобы согреть постель.

Дедушка с внучкой жили в старом двореке, где общая площадь — включая основной дом и пристроенные позже маленькие комнаты — не превышала пятидесяти квадратных метров. Внутри стояли одна маленькая двуспальная кровать и одна односпальная, между которыми была натянута занавеска. Цены на жилье в Столице были заоблачными, и утверждение, что здесь каждый дюйм земли на вес золота, не было преувеличением. Земля в таких двореках тоже стоила дорого, но пока никто не сносил и не перестраивал их, это оставалось массивом дорогостоящих старых домов. Е Тао думал снять для них просторную и чистую квартиру с лифтом, он даже присмотрел вариант, но старик наотрез отказался.

В старых двореках не было центрального отопления, поэтому зимой приходилось топить печи углем. Большинство семей в округе переделали свои жилища под глиняные тепловые каналы или установили собственные отопительные котлы. Е Тао тоже хотел поставить такую систему в доме старика, но тот не позволил, утверждая, что места слишком мало для котла, и что такой котел ничем не лучше обычной печи — все равно придется топить самому. Поэтому в доме до сих пор топили угольными брикетами; хоть дыма и пыли было много, зато было довольно тепло.

Перед сном Е Тао принял звонок от Ли Минцзюэ. Е Тао выпил немного, голова была тяжелой, а сознание — затуманенным, поэтому у него не было желания вступать в долгие споры. Он лишь бросил:

— Я у дедушки Суня, домой не вернусь, — и повесил трубку.

Е Тао уже все спланировал: завтра при встрече он скажет всё, что должен. Хотя, скорее всего, Ли Минцзюэ просто ищет новых ощущений и не обязательно хочет разрывать отношения, Е Тао не мог закрывать на это глаза. Мужчина, изменивший один раз, подобен собаке, которая ест экскременты: если один раз попробовал, второй будет не за горами. Он не хотел рисковать и жить, подавляя отвращение, поэтому расставание было неизбежным.

Той ночью поднялся сильный ветер, который сорвал рубероид с крыши маленькой комнаты, но люди, выпившие вина, спали крепко и не проснулись. Это был самый долгий сон в жизни Е Тао. Когда он открыл глаза, то обнаружил, что находится вовсе не в доме дедушки Суня, а в незнакомом месте.

В сезон таяния льдов погода бывает переменчивой: то теплеет, то снова холодает. Маленький господин из семьи Чжоу, отличавшийся слабым здоровьем, внезапно прыгнул в небольшой пруд с лотосами в заднем дворе. Когда его выловили, он уже не дышал. В семье Чжоу воцарился хаос: крики и плач стояли невообразимые. В тот же день прибыли все дежурные врачи — и китайские, и западные, — опасаясь, что если этот юный господин умрет, они не только потеряют работу, но и столкнутся с суровым наказанием и гневом семьи.

Когда Е Тао пришел в себя в теле молодого господина Чжоу, он услышал приглушенные всхлипы женщин и служанок, которые, казалось, боялись шуметь слишком сильно. Е Тао закашлялся, выплевывая воду; сознание было спутанным, а тело пронзала резкая боль от холода, словно тысячи стальных игл вонзались в плоть. Последним, что он помнил, было то, как его подхватили на руки, после чего он снова погрузился во тьму.

Когда он окончательно очнулся, пронизывающий холод заметно отступил. Одежда и постельное белье были сухими и теплыми. Несмотря на заложенный нос, Е Тао почувствовал запах лекарственных трав. Он некоторое время пребывал в оцепенении, и стоило ему слегка пошевелиться, как рядом раздался незнакомый мужской голос:

— Проснулся?

В комнате горела настольная лампа, отбрасывая тусклый желтоватый свет. Е Тао, прищурившись, посмотрел на говорящего и увидел мужчину, сидящего у кровати. На вид ему было не больше тридцати; у него были густые брови, глаза формы феникса и губы цвета алой киноvari. Лицо его было редкой красоты, но выглядело утомленным, а в глубине глаз читалась тревога.

У Е Тао было смутное воспоминание об этом человеке. Когда он работал в редакционном журнале, первым его героем для эксклюзивного интервью стал брат этого человека — Чжоу Цзыцин. В те времена Чжоу Цзыцин был молод, успешен и обладал огромным богатством; среди сверстников он пользовался наибольшим расположением старшего поколения. К сожалению, небеса завидовали таланту: не успело старшее поколение уйти со своих постов, как Чжоу Цзыцин и его супруга погибли в автокатастрофе. Человек перед ним был младшим братом Чжоу Цзыцина — Чжоу Цзыцянем. Братья были младше друг друга на десять с лишним лет и, по слухам, с детства были очень близки. Когда Чжоу Цзыцин скончался, Чжоу Цзыцяню было всего чуть за двадцать, но он взял на себя заботу о сиротах, оставленных братом.

Четкие воспоминания Е Тао обрывались на моменте ночевки в доме семьи Сунь. Пытаясь восстановить события, он смог лишь вспомнить, что, кажется, упал в воду. Он неосознанно нахмурился, размышляя о том, что же произошло на самом деле. Чжоу Цзыцянь заметил это и, ошибочно приняв за недомогание, перестал говорить и поспешно позвал врачей. Е Тао и вправду было плохо: в груди давило, в горле словно горело, а голова кружилась. Нынешнее состояние лишь усиливало его смятение и хаос в мыслях.

Вскоре в комнату вошли несколько человек. Сначала западные врачи устроили целую процедуру: измеряли температуру, слушали сердцебиение и в итоге пришли к выводу, что это простуда и лихорадка. Затем их сменили китайские лекари, которые использовали методы осмотра, прослушивания и пульсовой диагностики. Когда их спросили, что именно болит, Е Тао наконец заговорил. Опираясь на свои ощущения, он ответил правду:

— Голова болит, и в груди давит.

<http://bllate.org/book/17687/1650164>